

После слома. «Внутренняя колонизация» *revisited*

ОЛЕГ
ЛАРИОНОВ

Михаил Гаспаров однажды заметил: «В каждом разговоре двоих участвуют шесть собеседников: каждый как он есть (известный только богу), каким он кажется себе и каким он кажется собеседнику; и все несхожие»¹. Эта не самая оригинальная мысль, но довольно емкая формулировка приходит в голову, когда думаешь об истории восприятия книги Александра Эткинда² «Внутренняя колонизация»³. Вышедшая по-английски в 2011-м и через два года изданная в авторизованном русском переводе, эта работа может производить впечатление общепризнанной современной классики постколониальных исследований – основополагающего труда по осмыслению имперского прошлого (и настоящего) России. В прошлогодней анкете журнала «Новое литературное обозрение», посвященной русской литературе и империализму, на работы Эткинда не раз одобрительно ссылаются такие ведущие специалисты по русской литературе и культуре, как Марк Липовецкий, Илья Кукулин и Мария Майофис⁴. За пределами академического мира, в не-

Олег Алексеевич Ларионов (р. 1998) – историк литературы, аспирант Оксфордского университета.

- 1 ГАСПАРОВ М.Л. *Записи и выписки*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 235.
- 2 Александр Маркович Эткинд внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов. – *Примеч. ред.*
- 3 Эткинд А. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Все дальнейшие ссылки на книгу даются прямо в тексте с указанием номеров страниц в скобках.
- 4 См.: *Русская литература и империализм* // Новое литературное обозрение. 2023. № 3(181). С. 15, 19, 23, 25.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

давнем номере «Коммерсантъ Weekend», Юрий Сапрыкин в интервью с Андреем Зориным утверждает, что «отношения элит и народа в XIX веке сейчас нередко рассматривают через призму постколониальной теории», и немедленно вспоминает при этом «Внутреннюю колонизацию»⁵.

Все это свидетельства резонансности и влиятельности книги Эткинды, особенно в той среде, которая пытается поддерживать на руинах российской публичной сферы общественную дискуссию, более или менее скрыто откликающуюся на нынешнюю трагическую ситуацию. Однако это лишь часть гораздо более сложной картины. Вокруг «Внутренней колонизации» не сложилось консенсуса; она не просто не пользуется всеобщим признанием, но и прямо порождает разногласия. Частично это объясняется особенностями самой книги. Также в многочисленных и очень разных реакциях на это сочинение можно опознать следы более глубоких и принципиальных интеллектуальных конфликтов и культурных расколов.

Для начала будет нелишним вспомнить основные аргументы и обсудить устройство этой книги. Ключевой тезис работы воплощен в понятии, вынесенном в ее заглавие. Автор обещает рассказать «историю внутренней колонизации, в которой государство колонизовало народы, включая и тот народ, который дал этому государству его загадочное название» (с. 9). Принципом этого повествования исследователь объявляет «своего рода эйзенштейновский монтаж» (там же). И действительно, книга состоит из двенадцати разнородных глав, каждая из которых в свою очередь складывается из ряда более или менее связанных между собой фрагментов. Эткинда пишет афористично, емко, широкими мазками. Как правило, в каждом отрывке освещается новый персонаж, случай, вопрос, которые характеризуются и интерпретируются энергично и безапелляционно. У книги нет сквозного сюжета, исторического или теоретического: главы сменяют одна другую без какого-либо внятного хронологического или концептуального порядка. Калейдоскоп эпизодов скрепляется лишь повторяющимся утверждением: «колонизировав многочисленные земли, Россия применяла колониальные режимы непрямого правления – принудительные, коммунитарные и экзотизирующие – к собственному населению» (с. 16). Если Эдвард Саид определял ориентализм как «западный стиль доминирования, реструктурирования и власти над Востоком»⁶, то, согласно Эткинду, «Россия была как субъектом, так и объектом колонизации и ее последствий, таких, например, как ориентализм» (с. 9).

5 «Для русских интеллектуалов народ – это всегда “они”» // Коммерсантъ Weekend. 2024. № 17. 31 мая (www.kommersant.ru/doc/6714881).

6 SAID E.W. *Orientalism*. London: Penguin Books, 2003. P. 3.

Выдвинув этот тезис, исследователь пытается найти место для российского случая в поле постколониальной теории. Этим целям служат первые две главы книги. Серия быстро сменяющихся друг друга примеров призвана наглядно продемонстрировать центральность колониальной проблематики для русской литературы и мысли имперского периода: сочинения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Уварова, Белинского, Чаадаева, Хомякова, Кавелина, Ленина – везде выявляются колониальные мотивы, образы, сравнения, сюжеты, причем возникающие в контексте обсуждения самой России. Объяснить это можно тем, что «Россия была европейской державой наряду с Британией и Францией и одновременно территорией, куда цивилизация приходила с Запада, как она приходила в Индию или Африку» (с. 33). Соответственно, гоголевские герои оказываются воплощениями расщепленного имперского субъекта, описываемого формулой постколониального теоретика Хоми Баба «два, но меньше, чем один» (с. 26). Аналогичным образом в российской истории обнаруживаются примеры «эффекта бумеранга, который наблюдается, когда имперское правительство переносит практики управления, выработанные в колониях, обратно в метрополию», причем этим же возвращением насилия можно «объяснить революцию и тоталитаризм» уже XX века (с. 39–40).

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОМА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

Вокруг «Внутренней колонизации» не сложилось консенсуса; она не просто не пользуется всеобщим признанием, но и прямо порождает разногласия. В многочисленных и очень разных реакциях на это сочинение можно опознать следы более глубоких и принципиальных интеллектуальных конфликтов и культурных расколов.

Вторая глава выстроена как прямой диалог с отцом-основателем постколониальных исследований: «Начав свою работу в годы “холодной войны”, Эдвард Саид определил ориентализм как способ обращения Первого мира с Третьим. Из этой формулировки выпал Второй мир» (с. 45). Эткинд остроумно дополняет Саида, показывая, как такие важные для автора «Ориентализма» фигуры, как Дефо, Киплинг и Бальфур, воображали Россию, предстающую в роли неучтенного «нетрадиционного Востока» (название части, объединившей первые две главы книги), одновременно инициатора и жертвы колониального управления и мышления. Следующие за этой вводной частью главы похожим образом эффектно тасуют многочис-

ленные имена и тексты и броско сопоставляют факты русской истории с понятиями постколониальной теории.

Третья глава прослеживает судьбу Рюрика и дискуссий о призвании варяг в русской историографии начиная с Татищева: в самом своем истоке национальная чистота и суверенность российской государственности оказались запятнаны и скомпрометированы загадочным установлением власти иноземцев, и историки мучительно пытались истолковать эту ситуацию. В четвертой главе Эткиндр продолжает обследовать русскую историческую науку имперского периода. Его интересует предложенная Соловьевым и подхваченная Ключевским интерпретации истории России как истории «страны, которая колонизируется»; по мысли исследователя, возвратная форма отдельно подчеркивает факт порождения субъекта действия в ходе самого процесса самоколонизации. От анализа историографии автор переходит к созданию собственного большого исторического нарратива. В главе с красноречивым названием «Баррели меха» Эткиндр стремится показать, что «ресурсная зависимость существовала в России задолго до нефти и газа, что эта зависимость сформировала саму ситуацию внутренней колонизации» (с. 109). Под его пером вся история России раннего Нового времени объясняется через торговлю пушниной, которая стояла за подъемом Москвы и кровавой колонизацией Сибири.

Следующая часть книги также состоит из трех глав, преимущественно посвященных институтам и управленческим практикам Российской империи. Эткиндр рассматривает основание Петербурга и другие реформы Петра как акты внутренней колонизации и проводит параллель между сословием и расой:

«В обществе внутренней колонизации, которое аннексировало, ассимилировало или уничтожило своих внешних и внутренних “других”, почти все имели одинаковый цвет кожи. Место рас здесь заняли сословия» (с. 143).

Соответственно, инициированное Петром бритье бород имело целью «создать очевидные, подобные расовым, различия» (с. 156) между сословиями. Многочисленные примеры свидетельствуют, что имперские элиты экзотизировали русский народ, переживали свое отчуждение от него и прямо уподобляли крепостных американским рабам. В результате этого внутреннего раскола под угрозой оказалось и внешнее господство: «силовое доминирование принадлежало Российской империи, а культурная гегемония, наоборот, оставалась за коренным населением и в этом виде разделялась имперскими колонистами и колонизаторами» (с. 185). «Отрицательная гегемония» выражалась в том, что колонизаторы подражали колонизованным,

усваивали их нравы, смешивались с ними и наделяли их – особенно в случае с крепостными – моральным авторитетом.

Продолжая эту линию размышлений, Эткинд позже формулирует идею «обратного имперского градиента»: «на периферии люди жили лучше, чем в центральных губерниях» Российской империи (с. 387). При этом ко всем народам Российской империи применялись одни и те же методы «непрямого правления»: дисциплинированию подвергались не индивиды, а «разнообразные и частично автономные группы подданных» (с. 230). Подобные формы управления порождали и контролировали крестьянскую общину, немецкие колонии, военные поселения, черту оседлости, тогда как «переход к прямому правлению», присущему не империям, а национальным государствам, привел в начале XX века «к новым вспышкам массового насилия» (с. 239). Одной из имперских институций, участвовавших в управлении страной, было Министерство внутренних дел. В восьмой главе книги показывается, как связанные с этим ведомством интеллектуалы, занимаясь изучением сектантов, востоковедением или, как Даль, составлением словаря русского языка, производили для империи знание о колонизированных народах и территориях.

Последняя часть книги, с характерным для Эткинда названием «Бремя бритого человека», включает несколько «частных случаев культурной истории империи». В девятой главе Кант – вопреки утверждениям Гаятри Чакраворти Спивак о расистских импликациях его философии – интерпретируется как субалтерн, который не мог говорить во время российской оккупации Кёнигсберга в ходе Семилетней войны. Затем набрасывается краткая история увлечения и изучения различных религиозных сект образованными радикалами – от народников до большевиков – очередной пример экзотизации собственного народа, на который проецируются утопические чаяния и политические искания элиты. В последних двух главах осуществляются интерпретации литературных текстов имперского периода. Эткинд предлагает свое прочтение «Сердца тьмы» Конрада и «Очарованного странника» Лескова, акцентируя внимание на русских мотивах первого и колониальных мотивах второго текста. Часть завершается опытом обнаружения колониальной проблематики в сюжетных схемах классической русской литературы, в разных конфигурациях задействующих образы *человека из народа, человека культуры и русской красавицы*.

В заключении к книге автор повторяет важнейшие тезисы и пробует свести вместе разнонаправленные векторы своей работы. «В XIX веке Россия была колониальной империей, как Британия или Австрия, и одновременно колонизованной тер-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОВА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

риторией, как Конго или Вест-Индия» (с. 383). Следствиями парадоксальной внутренней колонизации были «обратный имперский градиент» и «отрицательная гегемония», в результате которой «покоренные народы – русский и иные – считались наделенными более высокой культурой и моралью, чем сама элита» (с. 388). Империя не могла добиться господства ненасилственными методами. «На этом фоне поразителен успех русской литературы как самого успешного института культурной гегемонии империи» (с. 389). Однако русская литература очень быстро оказалась носителем антиимперских смыслов, и «ее классическим текстам рукоплескали колониальные читатели по всему миру» (с. 390). Этот субверсивный потенциал объясняется так:

«[Русские писатели] говорили за себя и одновременно за субалтернов, с их молчанием, страданиями, жертвами. Эти авторы оказались способны к такой сложной, полифонической речи – великому памятнику человеческой солидарности – потому, что сами испытали политическое преследование в его чистом виде. [...] Эти белые, образованные, часто состоятельные люди принадлежали к угнетенному меньшинству» (с. 390).

Что можно в целом сказать обо всех этих идеях? Вероятно, самую взвешенную и обстоятельную оценку «Внутренней колонизации» дал в рецензии на англоязычное издание книги историк Александр Моррисон, профессионально занимающийся российской имперской экспансией в Центральной Азии⁷. Отдавая должное начитанности Эткинды, тонкости некоторых разборов и пронизательности отдельных наблюдений, он делает следующие критические замечания. В первую очередь глубоко проблематичным представляется центральное для книги понятие «внутренней колонизации». Как его можно четко определить? В какой, собственно, момент колонизация превращается из внешней во внутреннюю, учитывая реальное этническое многообразие практически всех регионов России, как центральных, так и окраинных? Стоит ли размывать грань между колонизацией русскими земель, на которых до этого жили другие народы, и совершенно отдельным феноменом эксплуатации и экзотизации социальных низов политическими и культурными элитами страны?

Не меньше вопросов вызывает и тезис об «обратном имперском градиенте». Представление о том, что больше всего в империи были угнетены сами русские, восходит к позднеимперскому националистическому дискурсу, не выдерживает критики и игнорирует факт активного конструирования рус-

7 MORRISON A. (Review of:) *Alexander Etkind, Internal Colonization. Russia's Imperial Experience* // *Ab Imperio*. 2013. № 3. P. 445–457.

ской нации во второй половине XIX века и постепенного возникновения неравенства между политически более привилегированным русским центром империи и ее колониальными окраинами. Помимо прочего, этот тезис Эткинды опасным образом напоминает постоянные попытки властей современной России закрепить за ней статус одновременно великой державы и вечной исторической жертвы.

Наконец, неочевидным кажется решение реконструировать «имперский опыт» России, опираясь в первую очередь на канонические тексты и фигуры русской культуры. Агентами российского государства и колонизации были не столько образованные дворяне, болезненно переживающие и рефлексирующие свое отпадение от народа, сколько офицеры и чиновники гораздо более пестрого происхождения, и культурное измерение этих процессов во многом определялось рецепцией более массовых, повседневных и эфемерных жанров и медиа, которые пока еще не дождалась изучения с этой точки зрения.

Все эти соображения не помешали активному усвоению и использованию эткиндовской концепции внутренней колонизации многими исследователями русской литературы и культуры. Этому можно найти целый ряд объяснений – от неодолимого влияния интеллектуальных парадигм до непреодолимой силы личных связей. В любом случае интересно отметить, что за внешней новизной и радикальностью «Внутренней колонизации» скрывается во многом знакомое и традиционное содержание. Эта книга предлагает русистам проект постколониальных исследований, удивительно удобным образом почти не призывающий к выходу за устоявшиеся дисциплинарные границы. Под «имперским опытом» здесь подразумевается опыт образованных русских элит из метрополии, а все гибридные, периферийные, субалтерные идентичности закономерным образом не имеют голоса. Крепостные крестьяне, коренные народы Сибири, жители Кавказских гор и центральноазиатских степей фигурируют в книге только в качестве предметов внимания, изучения, страха, отвращения, подражания со стороны русских элит, в качестве непознаваемых вещей-в-себе, экранов, на которые колонизаторы проецируют свои чаяния и тревоги. «Внутренняя колонизация» не только исследует российскую культурную мифологию, но и соучаствует в ее воспроизводстве. Обидно ориентализирующий – но столь важный! – взгляд Запада, мучительное отчуждение от экзотизируемого «народа», вечное насилие со стороны собственного государства, ресурсная зависимость, смутное сознание своей имперскости и колониальности, совмещенное с убежденностью в собственной угнетенности, – и надежда, приходящая в уютном облике великой русской литературы, счастливо избежавшей кооптации

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОВА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

злом и несущей в себе искупление и прощение. Соблазн назвать все это манифестацией либерального или интеллигентского сознания был бы непреодолим, если бы эти категории не были столь вопиюще неопределенными.

Как бы то ни было, книга Эткинда предлагала свежий и довольно прогрессивный взгляд на прошлое и отчасти настоящее России, который при этом щадяще относился к национальным чувствам и обидам россиян, не предлагал радикально проблематизировать колониальную и имперскую историю и современность, не деконструировал представления о литературном каноне и великой русской культуре, не помещал в центр внимания меньшинства и маргинализованные группы, а также – что довольно характерно – не выражал симпатии советскому проекту и практически полностью игнорировал проблематику социального и экономического неравенства, подменяя ее метафорой «внутренней колонизации». Очевидно, эта программа пришлась по вкусу многим читателям.

За внешней новизной и радикальностью «Внутренней колонизации» скрывается во многом знакомое и традиционное содержание. Эта книга предлагает русистам проект постколониальных исследований, удивительно удобным образом почти не призывающий к выходу за устоявшиеся дисциплинарные границы.

Впрочем, нашлись у «Внутренней колонизации» и острые критики. Если ориентированная на широкий круг образованной публики либеральная «Кольта» встретила работу Эткинда с энтузиазмом⁸, то специализированный «Кантовский сборник» был настроен очень скептически. В своей рецензии исследователь Канта Алексей Круглов показал, что девятая глава книги наполнена множеством фактических ошибок, неточностей, натяжек и необоснованных утверждений, тогда как ключевой тезис о субалтерном молчании немецкого философа во время русской оккупации просто не соответствует действительности⁹. При этом рецензент не упустил случая картинно расписаться в непонимании концептуальной рамки обозреваемого труда («Увы, я мало понимаю постколониальную философию»), указать, что фактографическая небрежность превращает «представления о внутренней колонизации» лишь в «убеждения,

8 Львовский С. *Помимо Запада и Востока* // Colta.ru. 2013. 4 сентября (<https://archives.colta.ru/docs/31055>).

9 Круглов А. Н. *Кант и «внутренняя колонизация России»* // Кантовский сборник. 2013. № 4(46). С. 87–99.

личные пристрастия и идеологемы», а также подчеркнуть западную аффилиацию Эткинда¹⁰.

Со схожих позиций развернул фундированную критику «Внутренней колонизации» и историк Михаил Киселев¹¹. Он убедительно опроверг тезисы о ресурсной зависимости Российского государства в XVI–XVII веках от меха и о брэдобритии при Петре как попытке сконструировать подобные расам сословия, а также продемонстрировал полную несостоятельность предложенной в книге интерпретации взглядов Татищева. Киселев не просто указал на бесчисленные ошибки и упущения Эткинда, но и сделал из этого далеко идущие выводы:

«Для автора не важно, что он пишет, а важно, как пишет. Использование правильных понятий из арсенала постколониальных исследований создает положительную репутацию в глазах коллег по дискуссии. [...] Поэтому книга на самом деле] посвящена не истории России, а пространству изучения истории России, которое колонизируется самим Эткиндом, и в ходе этой колонизации ему не особо интересно знать мнение аборигенов»¹².

Эти две реакции – с их характерным подозрением к любой постколониальной теории и (более или менее явным) восприятием ее как западного политико-идеологического проекта, враждебного по отношению к отечественной науке, – можно было бы связать с расколом постсоветского академического сообщества на два полюса, один из которых ориентируется на Запад, черпая оттуда как новые теории и подходы, так и символический и экономический капитал, а другой воспроизводит традиции государственных вузов и институтов и отчасти испытывает resentment по отношению к первому¹³. Тексты Круглова и Киселева дают основания для подобного прочтения, однако определенно им не исчерпываются. Дело в том, что удивительно похожей критике (указания на обилие фактических ошибок и произвольных толкований при поверхностном впечатлении эрудированности и основательности) подвергались и другие работы Эткинда, написанные до его обращения к постколониальной проблематике¹⁴. Эти отклики принадлежат авторам, настолько различающимся биографи-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОВА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

10 Там же. С. 87, 98, 99.

11 Киселев М. А. *Как колонизируют историю* // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 144–158.

12 Там же. С. 158.

13 См., например: Гапова Е. *Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки* // Ab Imperio. 2011. № 4. С. 289–323.

14 См.: Ярошевский М. Г. *Л. С. Выготский – жертва «оптического обмана»* // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 55–60; Долинин А. А. (Рец. на:) Александр Эткин. *Толкование путешествий* // Новая русская книга. 2002. № 1 (<https://magazines.gorky.media/nrk/2002/1/aleksandr-etkind-tolkovanie-puteshestvij.html>); Он же. *Необходимые разъяснения* // Новая русская книга. 2002. № 2 (<https://magazines.gorky.media/nrk/2002/2/neobhodimye-razyaseniya.html>).

чески, дисциплинарно и методологически, что их совершенно невозможно объединить под шапкой консерваторов-позитивистов, противостоящих либералу-теоретику.

В случае с рецензиями на «Внутреннюю колонизацию» произошло взаимоналожение двух независимых факторов: с одной стороны, несоответствия сочинения Эткинда базовым стандартам научной добросовестности (фактографическая точность, тщательная работа с первоисточниками, по возможности полный учет работ предшественников, аккуратность цитирования и прочее) и, с другой стороны, политически, экономически и культурно обусловленной устойчивой неприязни к постколониальной теории некоторых групп российских ученых. Небрежность исследовательской манеры автора «Внутренней колонизации» позволила этой части российской академии укрепиться в своих предрассудках против критической рефлексии о колониальном и имперском прошлом и настоящем страны.

При этом дальнейшая интеллектуальная траектория Эткинда вышла далеко за пределы узко понимаемых постколониальных исследований. Уже во «Внутренней колонизации» он не только, подобно многим другим постколониальным критикам, предлагал новые прочтения текстов литературного канона или рассуждал об имперских идентичностях, но и пробовал свои силы в области социальной и экономической истории. Глава о пушном промысле (так убедительно раскритикованная Киселевым) легла в основу более поздней книги Эткинда – по обыкновению, амбициозной работы по «культурной истории природных ресурсов», в которой он завершил свой поворот от культурного и текстуального к экологическому и материальному¹⁵.

После 24 февраля 2022 года Эткинд окончательно превратился из специалиста по русской истории и культуре в ориентированного преимущественно на западную и эмигрантскую аудиторию эксперта по современной России, объясняющего все ее особенности в первую очередь ресурсной зависимостью от нефти¹⁶. Наконец, 27 сентября 2024 года власти РФ объявили Эткинда «иностранным агентом». Можно предположить, что одним из следствий этого станет развитие (само)цензурных ограничений, которые будут изымать «Внутреннюю колонизацию», а вместе с ней и критическую постколониальную рефлексию вообще из публичного обращения в пространстве российской академии. В этой перспективе попытки представителей «традиционной» постсоветской науки изобразить себя обиженными, слабыми и угнетенными перед лицом адептов

15 См. недавно вышедшее третье, исправленное и дополненное, издание: Эткинд А. *Природа зла. Культурная история природных ресурсов*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

16 См. его новейшую книгу: Он же. *Россия против современности*. Рига: Überbau, 2024.

западных «новомодных» теорий и идеологий оказываются жестом, глубоко консервативным и вольно или невольно предвосхищающим действия властей РФ, которые считают нынешнюю Россию жертвой Запада и его разрушительных ценностей.

Между тем если Эткинд несводим к постколониальным исследованиям, то, конечно же, и постколониальные исследования не сводятся к Эткинду. На русской почве инициированную Саидом традицию мысли ожидала незавидная судьба. «Ориентализм» был впервые издан в России в 2006 году не в очень хорошем переводе и с послесловием националиста Константина Крылова, утверждавшего, что Россия является, подобно Востоку, жертвой колонизации и экзотизации со стороны Запада. Понятую в таком ключе книгу Саида приветствовали правые и левые борцы с американской гегемонией и зеркальным образом хулили прозападные либералы¹⁷. На этом удручающем интеллектуальном фоне красно-коричневого реваншизма и праволиберального рыночного фундаментализма, гибридом которых, в конечном счете, стал нынешний российский режим, эткиндовский вариант постколониальных исследований смотрится свежо и вызывает определенную симпатию. Совмещая очень ценную либеральную традицию растождествления себя с государством и умения говорить о его репрессивной сути с заимствованными из западной академии левыми (не политически, а скорее культурно левыми) темами и подходами, Эткинд делал работу с вполне, кажется, актуальными и нужными для России того времени политическими импликациями и резонансами. Если сама «Внутренняя колонизация» была в первую очередь сосредоточена на солипсистских переживаниях русских элит, то вдохновленные ею проекты отводили много места обсуждению российского империализма и даже внешней колонизации Россией своих соседей¹⁸. И все же ретроспективно мы понимаем, что этого было мало, и, глядя из сегодняшнего дня, кажется, что даже самым прогрессивным текстам того времени не хватает радикальности, открытой принципиальности, точности и однозначности некоторых формулировок.

Недостатки чересчур умеренного русского извода постколониальных исследований уже в то время были заметны коллегам из других стран. Так, в 2006 году работающий в США украинский исследователь Виталий Чернецкий обратил внимание на «стратегическую апроприацию некоторых элементов

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОВА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

17 О первом русском переводе «Ориентализма» и откликах на него см.: Бобровников В. *Почему мы маргиналы? (Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида)* // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 325–344.

18 См. сборник статей: *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России* / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Отдельно стоит отметить напечатанную там же программную статью Мыколы Рябчука «Русский Робинзон и украинский Пятница: особенности “асимметричных” отношений» (с. 447–477).

дискурса о постколониализме русскими учеными», которые еще недавно предпочитали полностью игнорировать эту традицию мысли, и привел в качестве одного из примеров статью Эткинды 2001 года о «внутренней колонизации», подвергнув ее критике как образец некритического воспроизведения ряда «аспектов русской колониальной идеологии»¹⁹.

Совмещая очень ценную либеральную традицию растождествления себя с государством и умения говорить о его репрессивной сути с заимствованными из западной академии левыми темами и подходами, Эткинд делал работу с вполне актуальными и нужными для России того времени политическими импликациями и резонансами.

С годами подобная критика лишь усиливалась. Как мы видели, сходные замечания высказал и историк Александр Моррисон. В 2019 году Тамар Коплатадзе, обобщая уже сложившуюся критическую традицию, описала эткиндовскую идею «обратного имперского градиента», который делал русских самым угнетенным народом империи, как одно из проявлений специфического русского варианта постколониальных исследований, утверждающего жертвенность/угнетенность/субальтерность России и невнимательного к голосам и опыту других народов Российской империи и Советского Союза²⁰. Не стоит забывать, что в десятилетие, прошедшее с публикации «Внутренней колонизации», вопросы имперскости и колониальности обсуждались в России и других постсоветских странах все больше и больше²¹. Постколониальная оптика и язык постепенно вышли за пределы узких академических кругов, стали применяться во многих сегментах публичной сферы, пропитывать собой и оформлять споры в соцсетях. Постколониальный, а также более радикальный, находящийся на стыке науки, искусства и активизма, деколониальный способы мысли начали становиться для некоторых людей базовыми инструментами познания и выражения себя и интерпретации мира вокруг.

Повсеместное присутствие этого языка в дискуссиях последних двух с половиной лет невозможно понять и объяснить, если

19 CHERNETSKY V. *On Some Post-Soviet Postcolonialisms* // PMLA. 2006. Vol. 121. № 3. P. 833–836.

20 КОПЛАТADZE Т. *Theorising Russian Postcolonial Studies* // Postcolonial Studies. 2019. Vol. 22. № 4. P. 469–489, особенно p. 473–476.

21 См. полезный обзор этих процессов и сопутствующих им дискуссий: Малахов В.С. *Ретроактивные категоризации, или Постколониальность как состояние* // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 53–74.

не помнить, что вообще-то радикальная критика русского империализма и колониализма и призывы подвергнуть тотальной деколонизации русское общество и культуру присутствовали в российской публичной сфере и до 24 февраля 2022 года. Другое дело, что этот дискурс занимал довольно маргинальное положение, и лишь разразившаяся катастрофа дала импульс к его распространению в более широких оппозиционных российских кругах²². И все же он был, и одним из объектов критики этой новейшей русскоязычной пост- и деколониальной мысли рубежа 2010–2020-х был не кто иной, как Эткин, со своей концепцией «внутренней колонизации». Например, Анна Энгельхардт в статье, опубликованной в 2020 году в петербургском онлайн-издании о современном искусстве «К.Р.А.П.И.В.А.», прямо опираясь на замечания Виталия Чернецкого, охарактеризовала подход Эткина «как радикальный поворот постколониального дискурса для поддержки и оправдания российской колониальной истории»²³. Приводя в пример выставку 2017 года в музее современного искусства «Гараж», на которой, по ее словам, из всей постколониальной теории цитировался только Эткин, она пишет:

«Стратегическая апроприация постколониального дискурса [...] обозначает важную тенденцию в сфере современного искусства в России, когда целью проекта ставится критический анализ колониального прошлого, но реализованный проект на практике говорит об обратном. Постколониальность в таких случаях используется как бренд, из которого вымывается политическая программа».

Таким образом, за полтора десятилетия критика Эткина слева переключалась из западных научных журналов в российские неакадемические медиа, и книга, одними воспринимавшаяся как воплощение пагубного идеологизированного постколониального подхода, занимающегося прозападным, политически мотивированным разоблачением прошлого и настоящего России, другими стала видеться как чуть ли не *soft power* этого самого русского имперства и колониализма.

24 февраля 2022 года и последующие события резко и бесспорно повысили экзистенциальные ставки этих дискуссий. До российской оппозиционной публики стали доходить голоса украинцев и их видение российской истории и культуры. В этом контексте книга Эткина с рассуждениями об «обратном имперском градиенте» и апологией великих русских пи-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОМА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

22 Как пример вдумчивой реплики в этих бурных обсуждениях см.: Смирнов Н. *Кризис деколониальности и неизбежность деколонизации* // После. 2023. 9 марта (<https://posle.media/krizis-dekolonialnosti-i-ee-neizbezhnost/>).

23 ЭНГЕЛЬХАРДТ А. *Будущности российской деколонизации* // Syg.ma. 2020. 18 мая (<https://syg.ma/@marina-israilova/budushchnosti-rossiiskoi-diekolonizatsii>).

сателей как угнетенного меньшинства имеет мало шансов на сочувственное отношение. Дело не в том, что аргументы сторонников радикальной деколонизации нельзя оспорить. Даже в саидовском «Ориентализме» критики обнаруживали элементы сомнительной эссенциализации Запада, представления его в виде вечной, единой и неделимой сущности, по самой своей природе – а не в силу сложных исторических, экономических и политических констелляций – склонного к угнетению Востока²⁴. Марксисты упрекают постколониальных исследователей в игнорировании капиталистических оснований колониализма и империализма, вместо чего внимание уделяется исключительно вопросам культуры, и в пестовании локальных идентичностей, контекстов и ситуаций в противовес универсализму и солидарности, основанной на единстве человеческой природы²⁵. Еще большей критике подвергаются доводящие эти тенденции до предела провозвестники деколониальной мысли. Особенно много вопросов вызывает теоретик деколониальности Вальтер Миньоло, который в своей борьбе против европоцентризма пришел к апологии нынешних российского и китайского авторитаризма²⁶. Здесь можно вспомнить и тот факт, что власти РФ часто используют язык деколонизации и небезуспешно пытаются склонить аудитории глобального Юга на свою сторону в конфликте с Западом и Украиной²⁷. Деколониальный дискурс обладает опасной амбивалентностью и может парадоксальным образом срачиваться с национализмом через общее для них воображение культур как трансисторических монад с неизменными свойствами. В этой оптике история и современность предстают как «столкновение цивилизаций», вечная борьба наций/культур с несовпадающими имманентными характеристиками. В этой точке формирующееся актуальными впечатлениями и потребностями популярное историческое воображение начинает сильно расходиться с менее однозначной и дробной картиной прошлого, реконструируемой историками.

Возвращаясь к Эткинду, следует признать, что наиболее суровые из его пост- и деколониальных критиков не вполне справедливы. Во «Внутренней колонизации», при всех ее странных особенностях и приводящих в недоумение тезисах, недвусмыс-

24 CHIBBER V. *Orientalism and Its Afterlives* // Catalyst. 2020. Vol. 4. № 3. P. 10–33 (<https://catalyst-journal.com/2020/12/orientalism-and-its-afterlives>); см. также рус. перев.: ЧИББЕР В. «Ориентализм» и его наследие // Syg.ma. 2024. 18 января (<https://syg.ma/@natalia-naumova/vivek-chibber-orientalism-i-ego-nasledie>).

25 См., например: CHIBBER V. *Capitalism, Class and Universalism: Escaping the Cul-de-sac of Postcolonial Theory* // Socialist Register. 2014. Vol. 50. P. 63–79; МАЛАХОВ В.С. Указ. соч. С. 55–56.

26 Образец левой критики дискурса деколониальности: LARSEN N. *The Jargon of Decoloniality* // Catalyst. 2022. Vol. 6. № 2. P. 52–77 (<https://catalyst-journal.com/2022/09/the-jargon-of-decoloniality>).

27 См. об этом материалы, собранные в: *Critical Forum: Russia's War Against Ukraine from the Perspective of the Global South* // Slavic Review. 2024. Vol. 83. № 1. P. 1–23.

ленно говорится о репрессивной колониальной политике России и не раз упоминается, например, истребление коренных народов Сибири. Тем не менее книга, повторюсь, вряд ли может вызвать сильное сочувствие в сегодняшнем контексте. Несложно вообразить полемику с доминирующими сейчас деколониальными мнениями по поводу, скажем, того, насколько исчерпывающей является характеристика русской классики как «имперской», или какой удельный вес она занимает среди дискурсов и практик, сделавших возможной нынешнюю российскую идеологию, соответствующий тип политики, и, соответственно, заслуженно ли она находится в фокусе столь оживленных споров.

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОМА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

Деколониальный дискурс обладает опасной амбивалентностью и может парадоксальным образом срачиваться с национализмом через общее для них воображение культур как трансисторических монад с неизменными свойствами.

Однако практически невозможно спорить с тем, что даже в оппозиционных кругах серьезно недооценивались опасность российского империализма и сила питающих его культурных представлений и установок. Оглядываясь назад, повсеместно обнаруживаешь черты этого в самых, казалось бы, прогрессивных артефактах прошлого десятилетия. «Внутренняя колонизация» охотно признает факты колониального подчинения Россией других народов, но не проявляет к этой теме никакого дополнительного интереса. Книга поражает своим небрежным, равнодушным, нечувствительным отношением именно к тем вопросам, которые сейчас кажутся наиболее болезненными и требующими особо аккуратного и бережного обращения. Наиболее очевидный пример – само заглавное понятие. Тот факт, что термин, на проблематичность которого, как мы видели, немедленно указали как историки, так и постколониальные исследователи, продолжал использоваться Эткиндом и его последователями, красноречиво характеризует интеллектуальную беззаботность даже самых критически мыслящих представителей российской академии.

Книга Эткинда предлагает не столько последовательную, систематически выработанную аргументацию, сколько набор слов-сигналов, знаков, благодаря которым она плотно вписывается в самые важные и актуальные современные контексты. Взятая сама по себе, вне этого проблемного поля, без шлейфа симптоматичной истории ее восприятия, она представля-

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ

ПОСЛЕ СЛОМА.
«ВНУТРЕННЯЯ
КОЛОНИЗАЦИЯ»
REVISITED

ет меньший интерес. Ее центральный тезис, смешивающий колониальное доминирование над другими народами с угнетением и экзотизацией собственных социальных низов, отвергается исследователями, которые стремятся более нюансированно реконструировать «имперский опыт России» и совместить постколониальную теорию с насыщенной исторической контекстуализацией²⁸. Фактографическая точность Эткинда и его манера обращения с источниками вызывают не меньше вопросов и опасений, чем концептуальная рамка книги. Лишь внешний контекст и риторически рассчитанная актуальность, запрограммированная резонансность превратили «Внутреннюю колонизацию» в столь заметное интеллектуальное явление последнего десятилетия. Именно в этом статусе, как общественно значимое высказывание, она стала нагружаться сверхсмыслами и восприниматься как программное воплощение целой интеллектуальной парадигмы, революционной или скрыто-консервативной. Следует усомниться в обоснованности подобных интерпретаций. Возможно, главный парадокс этой книги состоит в том, что у нее нет ни тех новаторских достоинств, которыми ее наделяют восторженные поклонники, ни тех фатальных и зловещих недостатков, на которые указывают самые суровые из ее критиков.

28 См., например: Ілснук У. *Nikolai Gogol: Performing Hybrid Identity*. Toronto: University of Toronto Press, 2021. Р. 8–10.